

Александр Блок

Поэзия заговоров и заклинаний



Александр Александрович Блок

Поэзия заговоров и заклинаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3216985

Аннотация

«То, что было живой необходимостью для первобытного человека, современные люди должны воссоздавать окольными путями образов. Непостижимо для нас древняя душа ощущает как единое и цельное все то, что мы сознаем как различное и враждебное друг другу. Современное сознание различает понятия: жизнь, знание, религия, тайна, поэзия; для предков наших все это – одно, у них нет строгих понятий. Для нас – самая глубокая бездна лежит между человеком и природой; у них – согласие с природой исконно и безмолвно; и мысли о неравенстве быть не могло. Человек ощущал природу так, как теперь он ощущает лишь равных себе людей; он различал в ней добрые и злые влияния, пел, молился и говорил с нею, просил, требовал, укорял, любил и ненавидел ее, величался и унижался перед ней; словом, это было постоянное ощущение любовного единения с ней – без сомнения и без удивления, с простыми и естественными ответами па вопросы, которые природа задавала человеку...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Александр Блок

Поэзия заговоров и заклинаний

То, что было живой необходимостью для первобытного человека, современные люди должны воссоздавать окольными путями образов. Непостижимо для нас древняя душа ощущает как единое и цельное все то, что мы создаем как различное и враждебное друг другу. Современное сознание различает понятия: жизнь, знание, религия, тайна, поэзия; для предков наших все это – одно, у них нет строгих понятий. Для нас – самая глубокая бездна лежит между человеком и природой; у них – согласие с природой истонно и безмолвно; и мысли о неравенстве быть не могло. Человек ощущал природу так, как теперь он ощущает лишь равных себе людей; он различал в ней добрые и злые влияния, пел, молился и говорил с нею, просил, требовал, укорял, любил и ненавидел ее, величался и унижался перед ней; словом, это было постоянное ощущение любовного единения с ней – без сомнения и без удивления, с простыми и естественными ответами на вопросы, которые природа задавала человеку. Она, так же как он, двигалась и жила, кормила его как мать-нянька, и за это он относился к ней как сын-повелитель. Он подчинялся ей, когда чувствовал свою слабость; она подчи-

няла его себе, когда чувствовала свою силу. Их отношения принимали формы ежедневного обихода. Она как бы играла перед ним в ясные дни и задумывалась в темные ночи; он жил с нею в тесном союзе, чувствуя душу этого близкого ему существа с ее постоянными таинственными изменениями и яркими красками.

Только постигнув древнюю душу и узнав ее отношения к природе, мы можем вступить в темную область гаданий и заклинаний, в которых больше всего сохранилась древняя сущность чужого для нас ощущения мира. Современному уму всякое заклинание должно казаться порождением народной темноты: во всех своих частях оно для него нелепо и странно. Так некогда относилась к нему и наука. Сахаров излагал заговоры отчасти с нравоучительной целью¹ – чтобы остеречь от обмана; но даже точная наука убедилась, теперь в практической применимости заклинаний, после того как был открыт факт внушения. Сверх того, заговоры, а с ними вся область народной магии и обрядности, оказались тою рудой, где блещет золото неподдельной поэзии; тем золотом, которое обеспечивает и книжную «бумажную» поэзию – вплоть до наших дней. Вот почему заговоры приобрели психологический, исторический и *эстетический* интерес и тщательно собираются и исследуются.

Мы должны воссоздать ту внешнюю обстановку и те ду-

¹ И. П. Сахаров. Сказания русского народа, т. 1, кн. 2, – «Очерки семейной жизни». Изд. 3-е, СПб., 1841, стр. I–IV

шевные переживания, среди которых могли возникнуть заговоры и заклинания; для этого необходимо вступить в лес народных поверий и суеверий и привыкнуть к причудливым и странным существам, которые потянутся к нам из-за каждого куста, с каждого сучка и со дна лесного ручья. Древний человек живет, как в лесу, в мире, исполненном существ – добрых и злых, воплощенных, и призрачных. Каждая былинка – стихия, и каждая стихия смотрит на него своим взором, обладает особым лицом и нравом, как и он. Подобно человеку, она преследует какие-то цели и обладает волей, душа ее сильна или слаба, темна или светла. Она требует пищи и сна, говорит человеческим языком. Водяной зол и капризен – он назло затопляет низины и пускает ко дну корабли. Русалка, бросаясь на купающуюся девушку, спрашивает: «Полынь или петрушка?» Услыхав ответ: «Полынь!», русалка убегает с криком: «Сама ты сгинь!» Но когда девушка ответит: «Петрушка!», русалка весело кричит: «Ах ты, моя душка!» – и щекочет девушку до смерти (это поверье в ходу и у великороссов и у малороссов). Ветер переносит болезни и вести. В Западной Руси, Литве и Польше есть поверье, что мор – это ветер: моровая женщина всовывает руку в окно или в дверь избы и намахивает смерть красным платком. Но любовь и смерть одинаково таинственны там, где жизнь проста; потому девушка насылает любовь, когда машет руками, по малороссийской песне:

Иде дивка дорогою, чохлами махае,
А за нею казаченко важенько здихае,
Ой, перестань дивченонько чохлами махать,
Ой, хай же я перестану важенько здихать!

В этом ветре, который крутится на дорогах, завивая снежные столбы, водится нечистая сила. Человек, застигнутый вихрем в дороге, садится, крестясь, на землю. В вихревых столбах ведьмы и черти устраивают поганные пляски и свадьбы; их можно разогнать, если бросить нож в середину вихря: он втыкается в землю, – и поднявший его увидит, что нож окровавлен. Такой нож, «окровавленный вихрем», необходим для чар и заклятий любви, его широким лезвием осторожно вырезают следы, оставленные молодежи на снегу. Так, обходя круг сказаний о вихре, мы возвращаемся к исходной точке и видим, что в зачарованном кольце жизни народной души, которая до сих пор осталась первобытной, необычайно близко стоят мор, смерть, любовь – темные, дьявольские силы.

В хаосе природы, среди повсюду протянутых нитей, которые прядут девы Судьбы, нужно быть поминутно настороже; все стихии требуют особого отношения к себе, со всеми приходится вступать в какой-то договор, потому что все имеет образ и подобие человека, живет бок о бок с ним не только в поле, в роще и в пути, но и в бревенчатых стенах избы. Травы, цветы, птицы возбуждают к себе заботу и любовь; известно, что народ бережет голубей; они называются «ангела-

ми божьими» в одной казанской легенде. «Есть трава именем Архангел», – говорит народный травник. В белорусском травнике с необычайной нежностью описывается трава «тихоня»: «растеть окала зелини, листички маленькие рядышкым, рядышкым, твяточик сининький. Растеть окала земли, стелитца у разные сторыны». Иногда такие описания совсем благоговейны, трава в описании лечебника представляется как хрупкое живое существо: «трава везде растет по пожням и по межникам и по потокам; листьє расстилается по земле. Кругом листков рубежки, а из нее на середине стволик, тощий, прекрасен, а цвет у него желт; и как отцветет, то пух станет тапочкою, а как пух сойдет со стволиков, то станут плешки; а в корне и в листу и в стволике, как сорвешь, в них беленько». – Какое-то непонятное сочувствие рождается даже к страшному чудовищу – змею; этот огненный летун летал по ночам на деревни и портил баб; но вот он умер и безвреден, и сейчас же становится своим, надо его похоронить. Такая странная запись сделана в одной деревушке Смоленской губернии: близ деревни околел змей-чудовище и лежал, распространяя зловоние. По совету знахаря, мальчики и девочки запрягли в тележки петушков и курочек и возили землю на могилку змея, пока не засыпали его совсем. Рядом с этими домашними, обиходными известиями есть сведения о каких-то исполинских существах, внушающих к себе уважение своей величиной и отдаленностью: вся земля покоится на китах. Где-то обитают огромные Индрик-зверь и Стра-

тим-птица. Все это настолько несомненно, что, например, не возникает даже вопроса, в действительности ли существуют такие киты, но только один вопрос: чем они питаются. Ответ: три больших кита и тридцать малых, на которых стоит земля, «находя на райское благоухание», берут от него десятую часть и «оттого сыты бывают». Чаще всего возникают вопросы, откуда что пошло, что естественно в быту, проникнутом идеями рода, говорит А. Н. Веселовский.²

² По-видимому, Блок имеет в виду работу А. Н. Веселовского «Из введения в историческую поэтику» («Журнал министерства народного просвещения», 1894, май, стр. 22).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.